

(9 октября Сэде ВЕРМИШЕВОЙ было бы 88)

Печальную весть о том, что утром 18 февраля ушла в мир иной наш выдающийся поэт, публицист и мой близкий друг Сэда Константиновна Вермишева, получил тем же вечером. Сначала позвонил писатель и драматург Валерий Лебединский, потом её сын Сурен. И хотя с конца прошлого года здоровье Сэды Константиновны серьёзно ухудшилось, да и возраст почтенный, к случившемуся утром того дня никак не был готов. К тому же 5 февраля она написала мне, что ей стало легче и как только чуть окрепнет, очень бы хотела продолжить нашу беседу о возможных причинах распада Советского Союза, первая часть которой была опубликована в декабрьском номере газеты «Слово» и на сайте «День Литературы». Беседа имела широкий общественный резонанс, и Сэде Константиновне было очень приятно видеть и слышать серьёзные, благодарные комментарии уважаемых людей.

Мой первый вопрос в продолжение этой беседы у неё уже был, поскольку дальнейший контур мы наметили ещё по окончании первой части. И именно на него она готовилась ответить после того, как написала мне 5 февраля.

Но... судьба распорядилась иначе, и теперь мой близкий друг уже ничего не напишет.

* * *

Помню, что в какой-то момент того печального вечера, после разговора с её сыном Сураном, в памяти всплыли строчки В. А. Жуковского:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сочувствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностию: были.

Единственное, что в этих прекрасных словах смутило, – глагол «были». Потому что не поворачивается язык сказать о ней в прошедшем времени.

С того печального дня прошло уже почти девять месяцев, а с прошедшим временем она у меня и, уверен, не только у меня не ассоциируется. Вряд ли кто-нибудь, кто с ней знаком – очно или заочно, употребит по отношению к Сэде Вермишевой прошедшее время. Потому что трудно себе представить человека более деятельного, полного замыслов и умеющего их воплощать. Как и более надёжного друга.

Все, кто её знают, помнят о постоянной готовности этой хрупкой внешне, но очень сильной внутренне женщины помочь тому, кому худо, и сделать для этого всё, что в её силах. За что очень многие остаются ей благодарны.

Конечно, нам всегда будет не хватать возможности слышать её голос или получить по электронной почте её письмо, но в остальном прошедшее время не для Сэды. О таком чувстве когда-то абсолютно точно сказал замечательный писатель-фронтовик К. М. Симонов:

Неправда, друг не умирает,/ Лишь рядом быть перестаёт.
Он кров с тобой не разделяет,/ Из фляги из твоей не пьёт...

Потому что, если это друг, а друзей, в истинном смысле этого слова, у каждого из нас бывают лишь единицы, он может оказаться и на очень далёком от тебя расстоянии и даже уйти в мир иной, но внутренне всегда остаётся с тобой. И любой свой поступок ты сверяешь с тем, как он бы к этому отнёсся. Оттого так и прижилось в людях известное изречение Михаила Светлова, что «дружба – понятие круглосуточное». И конечно же, дружба не имеет срока давности.

* * *

Заочно мы познакомились благодаря сайту «Российский писатель», где каждый из нас с какого-то момента стал обращать внимание на публикации и комментарии друг друга. Не обратить внимания на публикации Сэды было невозможно, потому что её аналитическая мысль в рассуждениях на темы экономики и геополитики восхищает своей глубиной, умением разобрать обсуждаемую проблему на элементы, после чего сложить эти элементы в единое целое. Причём сложить так, что ты уже видишь не только внешнюю картину происходящего, но и его истоки. Отчего перед тобой будто возникает рентгеновский снимок обсуждаемого автором явления.

Ну а то, что Сэда Вермишева – выдающийся поэт, поражающего воображение масштаба, думаю, ощутил каждый, кто хоть что-нибудь прочитал из её стихотворений. Причём ей в высшей степени подвластны все поэтические жанры – и мощная гражданская, и глубинная философская, и тончайшая любовная лирика, которая в подавляющем большинстве случаев органично сливается с лирикой природы.

И конечно, такая поэтическая палитра при высочайшей культуре слова у Сэды оказывает очень сильный эмоциональный эффект на многочисленных поклонников её поэзии. Причём поклонников самого разного возраста.

* * *

Однажды, когда был на Комсомольском, 13, получил от Николая Ивановича Дорошенко только что вышедший в издательстве «Российский писатель» сборник её стихов – «СМЯТЕНИЕ». По мере того как читал, чувствовал усиливающуюся потребность написать о содержании, потому что эти стихи не отпускали своей интонацией, абсолютно точно соответствующей названию книги. Да и форма, присущая поэзии Сэды Вермишевой, о чём речь пойдёт позже, позволяет её строкам входить в душу читателя уже навсегда.

Вот об этом и написал небольшой очерк «ПЕСНЯ МЕТЕЛИ – НЕ ЯБЛОНИ ЦВЕТ», который опубликовал сайт «Российский писатель».

Было очень приятно видеть многочисленные комментарии как собратьев по перу, так и людей, не имеющих отношения к профессиональному занятию литературой, но имеющих тонкий литературный вкус, выраженный в данном случае восхищёнными словами о поэзии Сэды Константиновны.

Да и как не быть словам восхищения и благодарности, когда перед нами поэт, личность которого наделена высочайшей духовной силой, позволяющей на примере собственных взлётов и падений убедить читателя, что безвыходных положений нет, если не опускать рук:

Когда нет сил / Подняться / Для полёта,
Когда мне жить / Почти / Невмоготу,
Крест-накрест / Предо мной / Все двери, все ворота –
Я говорю себе, / Что я – пехота...
А впереди / Лишь топи / Да болота,
Но я их всё-таки / Когда-нибудь / Пройду...

Уже в те дни мне стало понятно, что это и есть «рентген души» моего теперь близкого друга Сэды Вермишевой.

А тогда, через несколько дней после публикации на сайте «Российский писатель», мне позвонил давно и хорошо её знающий Николай Иванович Дорошенко и сказал, что Сэда попросила его познакомиться нас. Узнав об этом, я был удивлён, поскольку думал, что Сэда Константиновна живёт в Ереване. Оказалось, что живёт она в Москве, работает в посольстве Армении, где возглавляет аналитический отдел экономики и геополитики.

В условленный день и час мы поехали к ней на работу. Встреча была очень радушной. Гостеприимная хозяйка тут же заказала для всех ужин из посольского ресторана, и мы замечательно посидели весь вечер втроём в её уютном кабинете. Когда кто-то из нас случайно обратил внимание, который час, были очень удивлены: настолько незаметно пролетело время за разговорами на самые разные темы – от литературы до политики.

С той поры у нас с Сэдой началась постоянная переписка по электронной почте и стали довольно частыми встречи, поскольку она любила пригласить к себе в кабинет после рабочего дня.

Рассказывая друг другу о своей жизни, мы неожиданно выяснили, что у нас довольно много общих знакомых ещё со времён СССР: замечательный поэт, литературный критик и яркая личность Татьяна Глушкова – для обеих она была Таней; непризнанный гений поэзии, человек драматичной судьбы Лёня Губанов – основатель известного, хотя и недолго просуществовавшего с середины 60-х неофициального литературного объединения СМОГ: «Самое Молодое Общество Гениев»; дальний родственник Сэды Булат Окуджава, от которого она после известных событий 1993 года из-за его подписи под «письмом 42» с возмущением отрекалась; замечательные поэты-фронтовики Юрий Левитанский, Евгений Винокуров, Дмитрий Ковалёв, прекрасные поэты разных поколений Леонид Мартынов, Владимир Цыбин, Роберт Рождественский... Перечислять можно долго. (С некоторыми ещё в 60-е познакомился благодаря моей тётушке – переводчице Татьяне Третьяковой, дочери известного в 20-е и 30-е годы поэта-футуриста Сергея Третьякова.)

Эти встречи с Сэдой, как и первая, тоже проходили в атмосфере гостеприимства щедрой хозяйки и тоже пролетали незаметно за обоюдными рассказами и обсуждениями любой общей для нас темы и событий из текущего или прошлого.

Нас заметно сближало и то, что оба пришли в литературу из науки. Сэда Константиновна после окончания экономического факультета Ереванского государственного университета более четверти века трудилась в Институте экономики и планирования Госплана Армении. Её научные разработки были известны и имели высокую оценку в среде экономистов Советского Союза.

А поскольку жизнь в науке развивает у человека не только его творческое начало, но и определённый образ мышления – способность фундаментально подходить к анализу любого явления, нам было очень легко говорить, что называется, «на одном языке».

Поэтому ни одна из таких встреч не носила характер досужих разговоров, и всегда после них – по пути домой, дома и позже – всплывали в моей памяти её ёмкие суждения о сути литературного процесса, о сложных взаимосвязях «подковёрных игр» политиков, о том, насколько сильно отличалась в лучшую сторону атмосфера периода наших с ней юных лет в Советском Союзе от нынешней, и почему...

И это «почему» всегда являлось главным итогом наших бесчисленных бесед.

* * *

О том, как было встречено появление её имени в литературе, она из скромности и высокого уровня воспитания мне не говорила. Это я узнаю позже от близкого друга Сэды, известного писателя и фотохудожника Левона Осепяна. Он расскажет, что со второй половины 60-х Сэда, наряду с научной работой, всё больше начинает уделять внимание литературной, и в 1971 году выйдет первый сборник её стихотворений. Несмотря на малый объём и незначительный тираж, книжка получила широкий резонанс как среди профессиональных писателей, так и в кругу читателей, умеющих ценить литературный талант. Довольно скоро последовали отклики людей, имеющих высокий авторитет в литературе: Н. Тихонова, Л. Мартынова, Вс. Рождественского, А. Ревича, Ст. Щипачёва, И. Снеговой, С. Капутикян... Причём некоторые писали довольно основательные рецензии об особенностях поэтического дарования Сэды Вермишевой.

Приведу две из них, но и этого будет достаточно, чтобы ощутить, каким явлением в литературе стало имя дебютантки. Вот как написала Сильва Капутикян: *«Говорят, человек должен писать на том языке, на каком молится. Случилось так, что, хотя Сэда пишет стихи по-русски, молится на армянском. За русскими словами скрывается мир армянки, армянская душа – глубокая, пустившая сильные корни. В поэзии Сэды Вермишевой всегда присутствует чувство долга, особенно – перед родной землёй. И она отдаёт, возвращает этот долг вновь и вновь, и, может быть более весомо, чем кто-либо».*

А это слова Александра Ревича: *«В поэзии Вермишевой я обратил внимание на одну вещь, которая для меня была тоже открытием, – присутствие Блока. Ведь по сути дела в России Блок – самый крупный русский поэт 20-го века – замечателен именно тем, что он больше всех ощутил трагедию страны. И, когда*

Летит, летит, летит степная кобылица
И мнёт ковыль...

идёт в стихотворении Сэды эпитафией, это оправдывается хотя бы тем, что стихотворение кончается

За всё, что было,
За всё, что будет,
В траву степную
Лицом
Упасть...

Это вот так вот разорвано и написано. Это написано так потому, что произносящий задыхается. Произносящий задыхается!..»

Не правда ли, в этих строках в полной мере ощутим дух горьковского Данко с его горящим сердцем, принесённым в жертву, чтобы спасти свой народ. Именно такой – готовой на подобный подвиг ради родных ей армянского и русского народов – и осталась Сэда в памяти всех, кто знал её близко. Причём для себя она такую готовность подвигом не считала, а считала долгом памяти наших великих предков.

Позже – уже в десятые годы 21-го века – о высоте, которую достигал полёт души этого уникального поэта, скажет Николай Дорошенко: *«Собственная судьба её не волнует. Её волнует только судьба мира сего. Она Давид, от которого спрятался Голиаф. Она Пересвет, на вызов которого не ответил в своих куршевельских содомих и гоморрах ненавистнейший Челубей. И никто, никто, абсолютно никто, если не считать таких же, как она, апостолов современного русского поэтического слова, уже не может увидеть воистину шекспировскую высоту её строк:*

Я альфа и омега.
Я – только
Прах.
Я – голос мира,
Ветвь его побега...
Я – эхо Бога
И пред Богом
Страх.
Слепая жизнь,
Ползущая по кручам,
Ковчег Библейский
В буре снеговой...

Колени содраны...

Пред ликом Всемогущим
Я есть ничто...

Но мной не правит случай...

Вот в этой последней строчке я вижу её одинокое, в нас не свершившееся, не каждым нашим сердцем чаемое великое народное восстание; я вижу горделивую под петлёй осанку Зои Космодемьянской, вижу Александра Матросова, упрямо приближающегося к вражескому дзоту...»

Все эти яркие характеристики состоявшихся в литературе писателей сводятся к одному: перед нами уникальный пример поэта, «дум *высокое стремленье*» которого сохраняет свою высочайшую энергию благородного служения людям. Потому и такие сильные образы кристаллизуются у Сэды в поэтические строки.

* * *

Довольно скоро она стала приглашать меня на поэтические и политологические вечера: в ЦДРИ, ЦДЛ, Дом-музей Цветаевой, б-ку им. Некрасова, в конференц-зал посольства Армении, где сама организовывала и вела такие встречи, в московский Литературный институт им. Горького, в Переделкино... Иногда по её просьбе в таких вечерах были наши совместные выступления.

И здесь я обнаружил в Сэде Константиновне очень неожиданное для меня качество: если в выступлениях и дискуссиях по экономике, геополитике... она вела себя абсолютно уверенно, логически убедительно отстаивая свою точку зрения (хотя умела услышать оппонента и согласиться с его доводами), то в канун поэтических выступлений передо мной была уже другая Сэда.

Сэда, в характере которой сочеталось, казалось бы, несочетаемое: когда нужно было сделать что-то благое для достойного человека или дела, а также оценить события, поступки людей, литературные произведения, она делала это очень решительно, уверенно и метко; а по отношению к собственным стихотворениям проявляла неуверенность. Постоянно сомневалась в их качестве. Перед каждым творческим вечером спрашивала, что ей лучше почитать: старое, уже принятое писательской и читательской средой, или новое, в литературном качестве которого ещё сомневается. Или, написав что-то новое, тут же присылала с просьбой о самой тщательной критике.

Хотя какая могла быть критика при таком высоком уровне её владения пером поэта и публициста.

Но ведь именно в этой неуверенности и заключается высочайшее требование к своему слову, идущее от трепетного отношения к Литературе, которая в конечном счёте и определяет главное во взаимоотношениях между людьми – степень их милосердия, гуманности и любви к ближнему...

* * *

К сожалению, стечение обстоятельств не позволило ей последние три земных года жить в Москве. Пришлось вернуться в Ереван, где чувствовала себя одиноко, поскольку литературная и общественная жизнь в столице России больше подходили ей по динамике и духовной основе.

Об этом были её многочисленные письма, и мы – друзья Сэды – старались сделать всё от нас зависящее, чтобы она не чувствовала внутренней оторванности от России. В нескольких подряд номерах журнала «Берега» прошлого года и в первом этого выходили её публикации – поэзия и публицистика в виде интервью с главным редактором журнала Лидией Довыденко, которую Сэда обожала за чуткость души, благородную направленность организаторского и литературного дарования. Как уже говорил в газете «Слово» Виктор Алексеевич Линник – элитный журналист, которого она называла человеком отменного литературного вкуса и кем издавна восхищалась, опубликовал нашу с ней беседу «Как уходил СССР». Николай Иванович Дорошенко, с которым она давно дружила и чью литературную одарённость высоко ценила, постоянно публиковал на сайте «Русский писатель» её новые стихотворения и стихотворные циклы. Елена Игоревна Дорошенко, когда у Сэды не работал доступ к окошку для комментариев, а ей очень хотелось поделиться своим мнением о той или иной публикации на сайте, всегда лично помогала ей в этом. Николай Фёдорович Иванов, к кому она очень тепло относилась, зная его достойнейшую биографию и восхищаясь его прозой, в которой чувствуется душа поэта, постоянно и во всём Сэду поддерживал. В частности, сразу, одной из первых, оформил ей билет Союза писателей России нового образца и выделил из первой же партии знак нашей организации. Мы передали это через её сына Сурена, который проездом был в Москве, и благодарная Сэда была тронута таким вниманием со стороны нашего Союза.

Когда в 2017 году тяжело заболела её внучка Мария Саакян – талантливый российский кинорежиссёр – и приехала на лечение в Москву, Николай Иванов сделал всё от него зависящее, чтобы лечение проходило в лучшей из клиник, у лучших специалистов. К сожалению, болезнь оказалась в уже неизлечимой фазе, и в январе 2018 года Машенька ушла из жизни.

Знаю, что Сэда Константиновна вела обширную переписку со многими российскими писателями, у каждого из которых, уверен, найдутся о ней самые добрые слова.

Её душевное тепло и высокую литературную оценку сполна ощутили на себе Нина Волченкова, Екатерина Пионт, Валентина Коростелёва, Екатерина и Анна Козыревы, Анна Вартаньян, Анна Ретеюм, Светлана Демченко, Людмила Владимирова, Геннадий Иванов, Николай Коновской, Эдуард Петренко (светлая ему память), Валерий Латынин, Сергей Зубарев, Никита Иванов, Владимир Скиф, Владимир Корнилов... продолжать могу очень долго. Единственным, кому она хотела написать на январский цикл стихов, но не успела, является Наталья Радостева. Успела лишь в нашем телефонном разговоре сказать, что на сайте появился очень интересный, яркий поэт с собственным голосом и что, когда чуть окрепнет, напишет сама. Но... Бог не дал.

Согласимся, далеко не каждому из нас присуще такое щедрое внимание к собратьям по перу – не только читать свежие публикации, но и находить время, силы и нужные слова, чтобы публично откликнуться на то, что тронуло душу.

Сэда была в постоянном контакте с профессором московского Литературного института им. Горького Михаилом Николаевичем Поповым, с поэтом, прозаиком и драматургом, главным редактором журнала «Муза» Валерием Ефимовичем Лебединским, с заведующим отделом театра и телевидения ЦДРИ, поэтом и режиссёром Анной Алексеевной Шишко. Когда Михаил Попов и Анна Шишко пригласили меня выступить в ЦДРИ на вечере памяти замечательного поэта-фронтовика Давида Самойлова, с которым мы были знакомы, то перед выступлением и после него говорили в основном о Сэде. О том, как не хватает её в Москве. Вспоминали наши совместные встречи, окрашенные яркостью таланта и душевной теплотой этого щедро одарённого природой нашего друга. Надеялись, что, может быть, она вернётся. Точнее, не столько надеялись, сколько хотели и мечтали об этом.

После вечера подробно написал Сэде о происходившем и выслал видеосъёмку выступлений на сцене. Растроганная, она ответила, что будто побывала в те часы вместе с нами.

Однажды, узнав, что готовлю рукопись для публикации нового сборника стихов, спросила, можно ли ей эту рукопись почитать. Конечно, я с удовольствием отправил уже скомпонованный материал в надежде получить её советы, поскольку реакция такого Мастера всегда полезна. Через несколько дней эта реакция последовала, но в очень неожиданном для меня виде: Сэда спросила, не возражаю ли я, если она напишет к сборнику предисловие. И в этом вопросе в очередной раз ощутил высшую степень её деликатности. Ведь таким предложением она делала мне неоценимый подарок, потому что получить предисловие поэта такого уровня, да ещё по собственному желанию этого поэта, это честь и яркий штрих в собственной литературной биографии, чем очень дорожу и горжусь. Её предисловие украсило мой сборник поэзии *«Живёшь, свою книгу листая»*.

Когда рассказал ей, что готовлю рукопись книги о Великой Отечественной под названием *«О чём поведал фронтовик»*, куда войдут повести и рассказ о моих старших товарищах-фронтовиках, их воспоминания, а также письма с фронта одного из них и его записи из фронтового дневника, она очень воодушевилась, сказав, что у неё тоже появилось желание систематизировать и опубликовать письма и дневники отца, ушедшего на фронт в рядах Народного ополчения. И добавила: «Вот только немножко окрепну».

Но... судьба распорядилась иначе. И теперь она, уйдя в другое измерение, всё отчётливей входит в память, где и останется жить. Потому что:

Неправда, друг не умирает,
Лишь рядом быть перестаёт...

сказал человек, который хорошо знал, что это такое.